

Су Вэйчэн и Ли Вэньцин разыграли настоящий спектакль: один изображал жалкого страдальца, другой — безутешное горе. Стоявший поодаль Сяо Хаоюй сжал кулаки так, что побелели костяшки; казалось, он готов в любую секунду броситься на защиту хрупкого, незащищенного Ли Вэньцина.

Ли Вэньлэ слишком хорошо знал методы Ли Вэньцина. С тех пор как он себя помнил, ему приходилось терпеть бесчисленные подлости от этого человека, а Су Вэйчэн всякий раз безоговорочно вставал на сторону Ли Вэньцина, не гнушаясь даже очернять самого Вэньлэ.

Сейчас Ли Вэньлэ охватил страх. Он боялся, что Ли Чжунсян, как и все остальные, поверит их лживым словам и взвалит всю вину на него.

При этой мысли Ли Вэньлэ невольно поднял глаза и с тревогой посмотрел на деда. Ли Чжунсян как раз смотрел на него.

Встретившись с ним взглядом, Ли Вэньлэ был потрясен. Он невольно поднес руку к губам. В глазах Ли Чжунсяна не было ни того крайнего отвращения, что светилось у Су Вэйчэна, ни той холодной безразличности, что исходила от Сяо Хаоюя. В этом глубоком взгляде читались лишь безграничная любовь и глубокая забота.

Ли Вэньлэ не мог описать свои чувства. Это было похоже на то, как если бы путник, в одиночку преодолевший тысячи гор и рек и встретивший лишь холодность, вдруг нашел человека, который обнял его, — и в одно мгновение слезы неконтролируемо покатались из глаз.

Ли Чжунсян отвел взгляд от внука и посмотрел на отца и сына, картинно прильнувших друг к другу. На его лице не дрогнул ни один мускул, он произнес лишь холодно:

— Вэйчэн, раз уж здоровье Вэньцина настолько слабое, не лучше ли отправить его домой отдыхать? Зачем ему изматывать себя работой? Лишним ртом в доме больше, лишним меньше — моя семья прокормит его в состоянии.

Су Вэйчэн не ожидал, что Ли Чжунсян останется совершенно равнодушным к их представлению. Более того, его слова недвусмысленно указывали на то, что Ли Вэньцин больше не должен работать в компании.

Су Вэйчэн занервничал. Он поспешно встал, прикрыл рот рукой, притворно кашлянул и обратился к Ли Чжунсяну:

— Кхм... Папа! Способности Цинцина видны всей компании. Разве не слишком опрометчиво принимать такие решения? К тому же, сегодня Лэлэ был неправ, именно он толкнул Цинцина, поэтому я и заставил его извиниться. Папа, в этом деле Цинцин от начала и до конца невиновен!

Ли Чжунсян не ответил сразу. Опираясь на трость, он подошел к Ли Вэньлэ, протянул руку и с болью в сердце коснулся синяка на шее внука. Его голос дрожал:

— Лэ-лэ, скажи деду, кто поднял на тебя руку? Кто посмел так поступить с моим внуком?!

— Дедушка, я в порядке...

Осмотрев шею внука, Ли Чжунсян принялся внимательно изучать его руки. Заметив перебинтованную ладонь, он в ярости ударил тростью об пол и, обернувшись к Сяо Хаоюю, гневно спросил:

— Парень из семьи Сяо, если ты сейчас же не дашь мне вразумительного ответа, откуда у Лэ-лэ эти раны и как ты заботился о моем внуке все эти пять лет, то я клянусь — я не оставлю тебя и твоего старика в покое!

Сяо Хаоюй никогда прежде не подвергался таким публичным отпорам. Это было похоже на звонкую пощечину при всех. Гордый Сяо Хаоюй помрачнел, в его голосе проскользнуло раздражение:

— Это я...

Ли Вэньлэ посмотрел на перекошенное лицо Сяо Хаоюя. Несмотря на то, что он прекрасно знал, как сильно этот человек его ненавидит, глубоко укоренившиеся чувства не позволяли ему смотреть на то, как Хаоюя унижают.

Вэньлэ шагнул вперед, пытаясь оправдать Сяо Хаоюя перед дедом:

— Дедушка, это не Хаоюй сделал! Я сам неосторожно поранился. Не волнуйся так, это пустяковые царапины, они быстро заживут!

Сяо Хаоюй с удивлением посмотрел на спину Ли Вэньлэ. Он не ожидал, что тот не только не станет жаловаться, но и заступится за него. На мгновение в его душе шевельнулось странное чувство, но тут же исчезло.

— Председатель, раны молодого господина Лэ-лэ выглядят серьезно. Может, мы поднимемся наверх, чтобы врач заново обработал их, а потом вы спокойно поговорите с молодым господином Лэ-лэ и зятем Сяо? — Чжао Минхай, личный секретарь, беспокоился не только о здоровье Ли Чжунсяна, но и о репутации семьи Ли, поэтому поспешил сгладить конфликт.

— Старина Чжао, я все понимаю. Но одно дело я должен прояснить сейчас! — Ли Чжунсян, как председатель корпорации, прекрасно осознавал, что скандал в холле не пойдет им на пользу.

Однако мысль о том, что кто-то посмел назвать Ли Вэньлэ самозванцем, причиняла ему невыносимую боль. К тому же он опасался, что если так пойдет и дальше, Ли Вэньцин действительно вытеснит Ли Вэньлэ.

С этими мыслями Ли Чжунсян бросил ледяной, полный предупреждения взгляд на стоявших в стороне администраторов, а затем сухо спросил:

— Я спрашиваю вас: кто сказал вам, что Лэлэ — самозванец? С чего вы взяли, что он не мой внук?

Девушки переглянулись, украдкой бросая испуганные взгляды на Су Вэйчэна. Они мялись, что-то невнятно бормоча:

— Председатель, ну... это...

Ли Чжунсян был слишком проницателен. Ему не нужны были слова — одного взгляда хватило, чтобы понять: за этим стоит Су Вэйчэн.

— Су Вэйчэн, отдел по связям с общественностью, которому подчиняются администраторы, находится под твоим началом. Скажи мне, как ты работаешь? Почему у тебя даже администраторы заикаются? А?

Су Вэйчэн не ожидал, что Ли Чжунсян, не заботясь о престиже компании, пойдет в открытую атаку. Он начал жалеть об этой глупой затее.

Су Вэйчэн бросил на девушек гневный взгляд, а затем, повернувшись к Ли Чжунсяну, принял подобострастный вид:

— Папа, просто в компании сейчас столько дел... Не волнуйтесь, я обязательно наведу порядок.

Ли Чжунсян, словно только этого и ждал, холодно усмехнулся и, нарочито небрежно, ответил:

— Как я могу быть спокоен? А то потом скажут, что я, Ли Чжунсян, обижаю зятя, пришедшего в мой дом. Раз ты так занят, освободи свой пост. Я как раз собирался отправить Лэлэ учиться управлению. Теперь у тебя будет сын, который разделит с тобой обязанности, так что можешь не переживать.

После этих слов лица присутствующих изменились — это была целая гамма эмоций.